

касается и проверки знаний по истории. Учителя-историки вынуждены увязывать с этими реалиями свои учебные планы, вносить в них существенные коррективы. Прагматически ориентируясь на «конечный результат», т.е. на успешную сдачу выпускниками школ вступительных экзаменов в вузы, учителя должны, начиная уже со средних классов, уделять повышенное внимание тестовым заданиям и отработке у школьников навыков по их выполнению. В этих условиях воспитательная функция истории оказывается на периферии учебного процесса. Тесты, олицетворяя собой торжество схематизма, не в состоянии выявить уровень мировоззренческо-нравственной подготовки выпускников.

Сводя изучение истории к механическому запоминанию отдельных фактов, новые методические требования не только уводят от необходимости обдумывать содержание изучаемого материала, но и снижают заинтересованность в овладении такими логическими операциями, как анализ, синтез, обобщение. В сознании учащихся прошлое теряет цельность и смысловое единство, «рассыпается» на множество разрозненных элементов, деталей, подробностей. Уходит понимание того, что история – это обобщенный опыт человечества, опыт которым подрастающее поколение должно научиться пользоваться. На этом фоне трудно ждать от подростка вопросов, задаваемых себе после урока истории: «Что нового я сегодня узнал? Что это значит для меня лично?». Перед молодежью не возникают также и вопросы о месте и значении истории в системе знаний, о той помощи, которую она способна оказать человеку в деле его интеллектуального и нравственного становления.

-
1. Покровский М.Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л., 1925. С.79.
 2. Там же. С.77.
 3. Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. №4. С.6.
 4. Ильин И.А. О России // Ильиных И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т.6. Кн.2. М., 1996. С.19.

Смирнов С.В.
(Екатеринбург)

Образ Востока в мировой исторической науке
(вторая половина XIX – XX вв.)

Современная ситуация методологического плюрализма в отечественном востоковедении, с одной стороны, открыла широкие возможности для творческого поиска и самореализации исследователя и преподавателя, с другой стороны, привела к утрате четких ориентиров и методологической

преимущества в изучении и преподавании различных периодов истории стран Востока. В этой ситуации студент, изучающий историю стран Востока, оказался в двойственном положении. Разумеется, он получил возможность в процессе изучения различных этапов истории афро-азиатских стран ознакомиться с различными методологическими подходами, увидеть историческую эволюцию Востока в различных ракурсах. Однако в этом же оказалась скрыта определенная опасность – исчезает целостность, происходит крушение единой перспективы, дробление исторической реальности. Такое испытание, несомненно, является достаточно тяжелым для еще не вполне сформировавшегося «исторического сознания» студента.

По нашему мнению, сохранению или скорее конструированию единой перспективы исторического развития Востока может способствовать специальный историографический курс, дополняющий основные курсы по истории афро-азиатских стран. Главной целью такого курса является изучение фундаментальных интерпретаций истории стран Востока, предложенных мировой исторической наукой. Концептуальная основа предлагаемого нами для студентов IV курса исторического факультета спецкурса базируется на историографическом видении образа Востока в рамках трех парадигм – парадигмы Другого, парадигмы Такого Же Самого и ориенталистской парадигмы. Парадигмы Другого и Такого Же Самого – это две стороны изучения Востока сквозь призму опыта Запада, выраженного в западных (других попросту не существует) теориях исторического развития. Ориенталистская парадигма, сформировавшаяся под влиянием постмодернизма и деконструктивизма, отвергла западоцентристские методологические постулаты, указав, что любую культуру следует изучать лишь в свойственных ей понятиях и на основе ее ценностей.

Первой по времени возникновения интерпретацией образа Востока следует считать парадигму Другого, истоки которой можно обнаружить еще в наследии Аристотеля и европейских средневековых авторов. В исторических и политико-философских сочинениях конца XVII – XVIII вв. (Ф. Бернье, Ш. Монтескье, Т. Монро и др.), посвященных азиатским странам, выделяется ряд критериев, характеризующих особенности их развития и отличающих их от стран Европы. Это отсутствие частной собственности, despотический характер власти, поголовное рабство населения, община как социальная и экономическая основа общества. Ф. Гегель в своей, ставшей первой, концепции всемирной истории обозначил Восток как независимое, параллельное Европе целое, застывшее на первой ступени развития и потому, в сущности, не историческое (1).

К. Маркс и Ф. Энгельс, работая над универсальной теорией всемирно-исторического процесса, опирающейся на идею смены социально-экономических формаций, тем не менее, разделяли существовавшие в их время взгляды об особом характере Востока. Это отразилось в предложенном Марксом термине «азиатский способ производства», на базе которого в

XX в. в рамках марксистской историографии сформировалась концепция, отстаивавшая особый путь развития восточных стран (2).

Развитию взгляда на Восток с позиции парадигмы Другого способствовал и появившийся в середине XIX в. культурный релятивизм. Выступая против западоцентризма европейской исторической науки своего времени, культурный релятивизм провозгласил идею несравнимости культурных типов разных народов, невозможности их измерения единым общеисторическим масштабом. Это означало утрату всеобщей исторической перспективы, разводило, не давая порою возможности пересечься, исторические пути Запада и Востока. Культурный релятивизм, предтечей которого во многом явился Н.Я. Данилевский (3), оказал огромное влияние на становление цивилизационного направления в исторической науке. Аналогичные взглядам Данилевского идеи выдвинули и развили в XX в. О. Шпенглер и А. Тойнби (4).

Весомым вкладом в разработку цивилизационной теории и анализа специфики незападных цивилизаций стали идеи М. Вебера (5). Для концепции М. Вебера было характерно сочетание идеи множественности ценностных ориентаций локальных цивилизаций, выраженных в заданной религиозными взглядами хозяйственной этике, с идеей об общем эволюционном развитии человечества по пути рационализации человеческой деятельности. Уделяя особое внимание западной цивилизации как динамическому целому, где экономика, государственные институты и культура (преимущественно религиозная) в различных комбинациях стали движущими силами, наделившими Запад специфическим рациональным и экспансионистским капиталистическим этосом, Вебер противопоставил ее мало динамичным, не выработавшим настоящего рационализма восточным цивилизациям.

Современные представители цивилизационной теории, крупнейшими из которых считаются Ш. Эйзенштадт (6) и С. Хантингтон (7), несомненно, сохраняют приверженность парадигме Другого, хотя и различаются в оценках реалий современного мира. Так, Эйзенштадт развивает тезис о многовариантности современной цивилизации, а Хантингтон придерживается мнения о противостоянии западной цивилизации остальным цивилизациям и неизбежности столкновения цивилизаций в современном мире.

Еще одной современной концепцией, функционирующей в рамках парадигмы Другого, является концепция «азиатских ценностей», активно поддерживаемая и современными политическими элитами ряда быстроразвивающихся азиатских стран. Концепция «азиатских ценностей» противопоставляет традиционные культурно-социальные ценностные системы азиатских обществ, как мощный фактор современного развития, европейским ценностям. Как отмечает О. Веггел (8), ключом к пониманию азиатского мышления является холизм. Холизм проявляется как в стиле мышления и поведения, так и в структуре общества, став базой для таких явлений, как, например, конфуцианство. В свою очередь, конфуцианские добродетели с их

приоритетом коллектива, сотрудничеством и гармонией, вполне могут составить «восточную альтернативу западному капитализму».

Истоки восприятия Востока как Такого Же Самого, по-видимому, необходимо искать в идеях эволюционизма, сформировавшихся в европейской науке в первой половине XIX в. Эволюционизм исходил из общности человеческой природы и единства мировой истории. Эволюционизм лег в основу большинства всемирно-исторических концепций XIX-XX вв.: теории формаций К. Маркса, теории модернизации, концепции миросистемного анализа, глобалистики. Приверженцы парадигмы Такого Же Самого, отмечая определенные особенности в развитии неевропейских стран, указывали, что эти отличия не имеют фундаментального характера. Такое утверждение вело к поиску и обнаружению в развитии восточных стран черт, присущих общемировому историческому процессу, эталоном которого служило передовое западное общество. Так появились элементы эндогенного генезиса капитализма и реформации в восточных феодальных обществах, либо «зародыши демократии» и даже «гражданское общество» в недрах традиционных азиатских структур (9).

Менее оптимистичные сторонники универсальности и однолинейно-прогрессивной эволюции мирового исторического процесса сосредоточили свое внимание на переходных периодах (межстадиальных или межформационных), характеризующихся наличием синтезированных, симбиотических форм в политико-идеологической, социально-экономической, социально-культурной структурах. Здесь нужно отметить такие теории, как теория слабозависимости, зависимости, многоукладности, «третьего мира» (10).

Стремление сблизить или скорее преодолеть парадигмы Другого и Такого Же Самого породило ряд синтетических концепций, совмещавших представление об уникальности локально-исторического горизонта с универсальностью общемирового. К такого рода концепциям, в частности, стоит отнести концепции общественного синтеза (11) и «раннего модернизма» (12).

Отсчет ориенталистской парадигмы, вероятно, стоит начать с работы Э. Саида «Ориентализм», вышедшей в 1978 г. (13). Для Саида понятие «Восток» и те характеристики, которые определяют его содержание, не соответствуют подлинной историко-культурной реальности, а являют собой дискурс западноевропейской культуры, создавшей Восток в качестве антипода Запада для оправдания своего политического и культурного гегемонизма.

Концепция Саида, определяемая сегодня как радикальный культурализм и подвергнутая мощной критике, тем не менее заставила исследователей встать на путь преодоления западоцентризма. Умеренные представители ориенталистской парадигмы, отвергнув вывод культуралистов-радикалов о непроницаемости культур извне, все же отстаивают взгляд об уникальности любой культуры (страны, цивилизации) и исходят из необходимости изучения ее традиций в присущих ей понятиях. Так, один из крупных современных представителей ориенталистской парадигмы, китайский

историк Ф. Хуан считает, что для Китая требуется «теоретическая автономия». Нужна не только новая теория, а новое мировоззрение, которое позволяет ответить на вопросы, как можно быть «современным и одновременно китайским», как развивать современную цивилизацию, сохраняя национальное наследие, и «какой может быть сущность китайской цивилизации в современном мире» (14).

Таким образом, предложенная нами концепция спецкурса дает возможность не только познакомиться с ведущими направлениями в изучении стран Востока с позиции различной интерпретации предмета изучения («Восток»), но и выявить теоретико-методологическую эволюцию мировой исторической мысли на примере историографии стран Востока.

1. Гегель Г. Сочинения. Т.8. М.; Л., 1935.
2. Крупными представителями концепции «азиатского способа производства» считаются Е.С. Варга, К.А. Харнский, Л.И. Мадьяр, Хоу Вайлу, Ф. Текеи, Ж. Шено, М. Годелье, Г. Левин, Л.С. Васильев и др.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М., 2003.
4. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. М., 2003.
5. Weber M. The religion of China. N.Y; L., 1964.
6. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
7. Huntington S. The clash of civilizations and the restructuring of world order. N. Y., 1996.
8. Asian values: An encounter with diversity / Ed. By Cauquelin J. Richmond: Curson, 2000.
9. О генезисе капитализма в странах Востока (XV-XIX вв.): Материалы обсуждения. М., 1962; Развитие азиатских обществ XVII – начала XX в.: современные западные теории. Вып.1, 2. М., 1990, 1991; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969; Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. Вопросы историографии. М.: Наука, 1990, и др.
10. Зарубежный Восток и современность: В 3 т. М., 1980-1981; Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986; Левковский А.И. «Третий мир» в современном мире. М., 1970; Развитие азиатских обществ XVII – начала XX в.: современные западные теории. Вып.1, 2. М., 1990, 1991, и др.
11. Ланда Р.Г. Восток: цивилизация, формация, социум // Вопросы истории. 1995. №4; Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999, и др.
12. Eisenstadt Sh. N. Civilizational dimension of modernity. Modernity as a distinct civilization // International sociology. L., 2001. Vol.16. №3. P.320-340; Fairbank J.K. China: A New History. Cambridge, Mass. 1998, etc.
13. Said E.W. Orientalism. N. Y., 1978.
14. Huang Ph.C.C. Theory and the study of modern Chinese history: Four traps and a question // Modern China. L., 1998. Vol.24. №2. P.183-208.